

Содержание

Павел Амнуэль
Владимир Борисов
Владимир Марышев
Борис Богданов
Игорь Книга
Михаил Эм
Нина Левина
Лариса Рогушова
Владимир Романов
Александр Лещенко
Федор Береснев
Роман Арилин
Мира Пушкарева

Дэн Шорин
Денис Кальнов
Ольга Крутикова
Эрих фон Нефф
Пауль Госсен
Георгий Кулишкин
Александр Герасимов
Александр Тихомиров
Леонид Ашкинази
Лариса Володимерова
Ирина Клеандрова
Ерофим Сысоев

ISSN 1866-6310

Выходит 4 раза в год

Мнения редакции и авторов публикаций не обязательно совпадают.

РАССКАЗ

Георгий Кулишкин

Харьков

НАГРАДНОЕ ОРУЖИЕ

Мама с папой и дядя Володя с тётёй Маней ушли в кино, оставив Аню и меня на старших — на нашу сестричку Талочку и привезённых тётёй Маней двоюродного Юрика и дядю Валеру. Дядей Валера приходится нам по родственной принадлежности, а так они с Талой и Юркой — ровесники из ровесников. Они родились осенью сорок третьего с разлётом в датах всего на несколько дней. Ещё очень нескоро мы узнаем, что ими наша мама, бабушка и тётя Маня спаслись от угона в Германию, проведая в занятом немцами Киеве, что не тронут больных и беременных.

С первой минуты их встречи мы, и я, и Анечка, чувствуем, что они — не разлей вода. Причиной тому обстоятельства их появления на свет или равенство прожитых годков и дней — не нашего ума дело. Однако столь очевидное их единство заставляет нас, маленьких, и липнуть к ним и их расталкивать.

Валерик привёз бабушкину фотографию, которая расчерчена поверх снимка на одинаковые прямоугольники. (Для него-то, конечно, фотография мамина, но для нас — бабушкина.) И большой картонный лист с гладкой белой поверхностью, на котором ровно столько же прямоугольников, увеличенных, однако, раз в пять. Карандашом с мягким грифелем он переносит контуры лица с прямоугольника на фотографии в соответствующий прямоугольник большого листа, и мало-помалу на картоне начинает возникать бабуня.

Софья Шейко-Маленьких

Велика Греда, Сербия

И ЖЕНА ЕГО МАНУЭЛЛА

Шепот в темноте.

— Ты не спишь?

Кто-то ворочается. Скрипит кровать. Шуршит одеяло. Чуть слышен шелест в ответ:

— Сплю вообще-то уже. А что?

— Да нет, ничего, — немного обиженный тихий голос. Как быстрый взмах крыла маленькой речной ласточки.

Тишина. Пауза. Вдох. Снова шорох. В темноте точно не видно, но кажется, кто-то обнимается. Нежный поцелуй. Тишина. Выдох.

— Ты прости. День тяжелый был. Чего хотела-то? Ну?

Долгое молчание. Словно слова зависли в ночи от смущения, сморщились и никак не решатся разломить этот лед тишины.

Выдох. Как в прорубь с головой.

— Ладно. Ты скажи — тебе какие цветы больше всего нравятся?

И поначалу еще тихий, а потом становящийся все громче и громче раскатистый рокот хохота.

Толчок в бок. Маленький упрямый кулачок.

— Да ну тебя. Я же серьезно совершенно спрашиваю.

И в ответ, сквозь слезы смеха, теплым от радости голосом:

— Все. Мне нравятся все твои цветы.

* * *

Ей говорили — оставь ты эту дурацкую затею. Когда поняли — что не оставит — смеялись в лицо: да ты прибежишь через год. Только пятки сверкать будут.

Но она не прибежала. Она любила его. Такого вот большого, неуклюжего. Петри. Её Петри— Петтери. Как один из гранитных камней его холодной суровой родины, он весь зарос не то мхом, не то бородой. Спутанные волосы только казались жесткими на вид. Проведи по ним рукой — и ты почувствуешь ласковую нежность. Ему не давались переливистые рычащие звуки, в изобилии населяющие ее родной язык. А большими пухлыми губами он часто путался в своих же усах. Громко прихлебывал чай. Ласково смотрел на нее. Смешно отдувался после быстрого подъема по лестнице.

Это немисливо: он — низкорослый, коренастый, если не сказать, толстый. Надежный, приземистый, появившийся на этой холодной земле, чтобы расположиться здесь навсегда. В каждом движении его сквозила основательность. В каждом вздохе — прочность. Волосы росли из ушей. Так еловые иголки торчат в разные стороны из тонкой светлой ветки. Волосы покрывали шею — так теплый мох укрывает от холода темные стволы в лесу. Ее Петри, похож был, пожалуй, на коренастого волосатого гнома больше, чем на человека.

Она — тонкая, смуглая, точёная... Эбонитовая. Высокая. Вся из острых углов и нервных линий. Мануэлла. В имени твоём — Бог. В раскатах его — тень мрачного, серьезного, острого прародителя имени — Иммануила. Она — подвижна, изменчива, непостоянна как огонь. Схвати сильнее — обожжешься. А глаз отвести — силы нет.

Совершенно невозможно: Лапландия после солнца океанских просторов. Спокойный шум сосен после рваного дыхания разыгравшихся волн. Синевато-серые снега в полярной ночи после пропитанной светом, разлетающейся брызгами миллиардов солнц жесткой соленой воды.

Илья Криштул

Москва

...А ты помнишь, как он уходил от нас
в последний раз?..
Он появился тогда неожиданно, без предупреждения.
Позвонил: «Я приеду». «Когда?». «Да прямо сейчас,
Я уже у калитки,ставляйте варенья-соленья».
Был август или самый кончик июля,
Ещё полыхали в саду итальянские астры...
Зашёл, поднял Ксюху, которая только уснула,
Играли в пиратов, орали «Пиастры, пиастры!»,
Носились по грядкам, всю зелень твою потоптали,
И ливень пошёл, и мы сели на старой веранде,
Пили вино, говорили и в карты играли...
Ты решила пожарить зачем-то оладьи,
А он засмеялся, оладьи, мол, это поминки...
«На поминках блины подают» — ты ответила строго,
И ливень утих, лишь падали наземь дождевики
С деревьев и с крыши, их было ещё очень много...
Он под них подставил лицо, ты захохотала,
Ты всегда хохотала, когда он дождём умывался,
Как будто смешней ничего никогда не видала...
Потом мы допили вино и он засобирился,
Шёл по этой дороге и раз пять на нас оглянулся...
Нет, не прощался...
Крикнул что-то, но было не слышно,
Веселился мальчишкой,
для Ксюхи нарочно споткнулся,
А утром звонок — скончался скоропостижно...

На поминках ели блины очень странные лица,
Налегали на водку, говорили о страшной потере,
Мол, виноваты и от этой вины не отмыться —
Рыдали в речах и на нас с подозреньем смотрели.

А я думал: «Что он нам крикнул с дороги?»,
Ветер унёс его крик к вокзальному рынку,
Где по буквам и нотам его разобрали сороки...
Но что же он крикнул? Ведь что-то он крикнул...

Вдруг что-то важное,
что нам нужно знать обязательно,
Вдруг что-то нужное и важно, что б мы это знали...
Сижу, пью водку среди незнакомых приятелей
И вспоминаю. Он хотел, что б его вспоминали...

"В НОЧНОЕ..."

Фрагмент из романа "Язык Европы"

Хайнца Штрукка

(Публикуется с любезного разрешения автора)

От переводчика

С Х.Штрукком мы знакомы по переписке, я уже переводил один из его романов, но там речь шла о заграничных впечатлениях туриста, здесь же рассказчик проводит ночь в увеселительных заведениях своего родного города. Его впечатления можно назвать "страшными" - да так оно и есть на самом деле. И в этом - вехи времени.

Рассказчик, лицо свободной профессии, занятый написанием скетчей для кабаретистов (что автобиографично для Х.Штрукка), описывает в романе неделю своей жизни, наполненной астенической апатией, чреватых нервных травм выходами из дома ("не выходи из комнаты" по И.Бродскому), нечастыми посещениями "подруги" (с невинной ночевкой) и т.д.

В начале недели в вагоне-ресторане экспресса Берлин-Гамбург он встречает свою бывшую ученицу, которой когда-то помогал с английским. Неказистая толстушка-школьница выросла в статную красотку, правда не без некоторых странностей. Старые знакомые обмениваются телефонами, обещая ни в коем случае не звонить друг другу. Однако в четверг Янна сама звонит Маркусу и предлагает в ночь на субботу потусить по Сант-Паули (1)...

Без особой решимости я тащусь рядом с Янной.

— Куда мы вообще движемся? — наконец спрашиваю я.

— Позднее в "Пудель", но туда сейчас еще слишком рано. Так что пока можно осесть в какой-нибудь трах-избушке.

— Что это за трах-избушка?

— Ну, какой-нибудь гадюшник.

— Не против...

— Пошли-пошли, там разберемся.

Зажатые в людском потоке, мы продвигаемся вперед черепашьям темпом; тычки и давка, громкие голоса и всеобщее возбуждение действуют на нервы. Долго мне этого не выдержать. Чему они все так радуются? Повода ровно никакого. Этого массового драйва я никогда не понимал и не пойму, нечего и пытаться, безнадежный случай... и я тут же вижу самого себя раненько утром лежащим с выбитыми зубами на асфальте перед чьим-то чужим подъездом. Комнатные собачки дорогих проституток, семена на поводке мимо, поднимают лапку и мочатся мне на лицо.

— Скажи, а нам не стоит как-то убраться с Реепербана (2)? Тут ужас какой-то.

— Хорошо. При первой же возможности...

Мы вскоре сворачиваем на Гамбургер Берг и сразу снова налево на Симон-фон-Утрехт-штрассе.

— А тут вообще что-нибудь есть? — спрашиваю я, оглядывая как будто вымершую улицу.

— Не знаю, посмотрим. Что-нибудь да найдется.

**Станислав
Бескаравайный**

Днепропетровск, Украина

ВОСЬМЕРИЧНЫЙ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА ВЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Когда проходит четверть века, можно другими глазами посмотреть на интересный и глубокий цикл романов, который, если вспомнить те годы, писался в совсем другом мире.

Какими воспринимались тогда книги Ю. Латыниной о Вейской империи?

Классические китайские романы, помноженные на работы Адама Смита. Игра с коммунизмом на добывание. Вера в свободное предпринимательство, в либерализм, которые то и дело сталкиваются с чиновниками. Без государства можно обойтись, лишь бы оно установило нормальные правила игры и куда-то ушло с пляжа...

Казалось бы, в «Ста полях» земляне должны были жить в мире победившего Фукуямы, с вечной экономикой свободного рынка. Концернам и мегакорпорациям в умеренно честной борьбе полагалось оспаривать нормы прибыли, а свободным гражданам, как пчелам, перелетать от одного рабочего места к другому.

Но нет.

Мир будущего за пределами Вей изначально существовал по другим правилам. Контрабанда оружия и политические террористы имелись уже во времена молодости Ванвейлена. Единая земная политическая структура трещала по швам. И в «Инсайдере», несколько десятилетий спустя, читателям коротко сообщают, что распад ускорился.

Идет парад суверенитетов.

Описывается номинальное политическое единство, как у князей Киевской Руси или Священной Римской империи. Уже никто никому ничего не должен, однако культурные люди еще предпочитают решать вопросы на раутах по случаю праздников, а не в крейсерских набегах.

Величайшая победа Шаваша в «Инсайдере» — последнем романе цикла — империя Великого света входит в ряд земных политических структур, в Федерацию Девятнадцати. Планета под номинальным управлением государя Варназда может начинать такую же конкурентную игру с другими государственными образованиями, как и все прочие. Но что это будет за борьба?

Ответ на этот вопрос начинается с другой проблемы в «Инсайдере», которую проще анализировать скорее сейчас, чем в девяностых. Прошло радикальное упрощение мира Вей. Ю. Латынина отказалась не только от мистического пласта истории — Желтый Ир просто исчез из текста. Сократилось количество типажей, этих важнейших фигур на шахматной доске романа. Нет, чиновник и варвар, равно как сектант и авантюрист — остались. Но совершенно исчез типаж инженера, которого в первых романах воплощал Даттам, а «Колдунах и министрах» — Свен Бьерссон. Где тот новый глава корпорации «Sony», который понимает, какой товар нужно ударными темпами производить в империи? Где местный «Эдисон», который, начитавшись техногиковских сайтов и пригласив команду земных инженеров, будет клепать новое оружие? Даже пожилой Ванвейлен практически не появляется на страницах «Инсайдера».

Николай Гриценко

г.Зеньков,
Полтавская обл.

ЭВАЛЬД ИЛЬЕНКОВ И НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА

Читая сегодня произведения Эвальда Ильенкова, я в каждой написанной им строке вижу его деликатную и вместе с тем беспокойную натуру, чувствую пламя души, страстное желание выразить близость земного, нерелигиозного воскресения жизни и эту нервную дрожь перед сложностью времени, приводящей иногда в отчаяние.

*Михаил Лифшиц,
советский философ и эстетик*

В своем творчестве, как, впрочем, и в жизни, выдающемуся материалисту-диалектику Эвальду Васильевичу Ильенкову приходилось продираться сквозь стену глухого непонимания и неприятия. Ильенков жил и творил вопреки обстоятельствам, наперекор интригам и затхлой атмосфере, созданной усилиями официальных «диаматчиков». Материалистическая диалектика в то время была низведена до уровня советского позитивизма, закоряченного квазикульта, ритуальная риторика которого обслуживала линию партии. Не принимая конъюнктуру и конформизм, обвиняемый во всевозможных грехах и отступлениях, Ильенков утверждал в своих произведениях живую основу диалектики, схватывал суть и закономерности развития человеческого мышления. Именно сферу мышления он считал предметом изучения философии. Отстаивая материалистическую природу идеального, Ильенков брал за основу традицию, заложенную Спинозой, Гегелем и Марксом.

Мышление немислимо без абстрагирования, рисования в своем воображении моделей внешнего мира, формирования образов будущего. На воображении и фантазии зиждется вся научная фантастика. Фантазия — наша универсальная способность, отличающая человека от представителей животного мира и приобретаемая в процессе взаимодействия с себе подобными. Без фантазии и развития эстетических способностей, пренебрежительно называемых «лирикой», человек не может полноценно себя проявить ни в одной сфере деятельности. Для Ильенкова воображение это нечто несоизмеримо большее, чем просто досужие мечтания: «Обычно под воображением понимают способность выдумывать то, чего на самом деле нет, — способность сочинять сказки или фантастические романы, способность творить причудливые образы, между тем это — лишь частная, и притом вторичная, производная функция воображения. А главная его функция позволяет нам видеть то, что есть, то, что лежит перед глазами, — делать то, что «труднее всего на свете», по словам Гёте».

Эвальд Ильенков был человеком универсальным и всесторонне развитым. Особое значение он уделял чтению литературы. В ряду классиков русской и мировой художественной прозы видное место в читательском багаже Ильенкова занимали книги фантастов. При написании «Ленинской диалектики и метафизики позитивизма» Ильенков перечитывал работы Александра Богданова, в частности его фантастические романы «Красная звезда» и «Инженер Мэнни». Отстаивая социалистические принципы человеческого мироустройства и критикуя рыночное отчуждение, Ильенков обращал свой взор к антиутопиям Хаксли и Оруэлла. За псевдокоммунистическим фасадом романа «1984» Ильенков видел крайнюю степень отчуждения, которая может существовать только в государственно-капиталистическом социуме.

Ольга Лисенкова

Нижний Новгород

ЗАЗЕРКАЛЬНАЯ БЕЗДНА

Ханна Мэтьюсон. Перевернутый город (Уизерворд). М.: Эксмо, 2021.

Оригинальное название книги, слово *Witherward*, прекрасно тем, что может употребляться как существительное, наречие или прилагательное. Поскольку в контексте романа это имя параллельного мира, это скорее существительное, но оно и тут ускользает от однозначной трактовки: «Уизерворд» может выступать как синоним не только понятию «противоположность», но и понятиям «превратности судьбы» и «противодействие».

Существование иного мира, который бывает более реальным, чем привычный читателю, — один из жанрообразующих признаков фэнтези. Проходя через портал, героиня Ханна Мэтьюсон Ильза падает вниз, подобно кэрролловской Алисе в кроличьей норе, и тут же начинает подниматься вверх по лестнице — что напоминает не только о Зазеркалье, но и о вывернутой географии Под-Лондона Нила Геймана («Никогде»), где герои выбираются на крышу напрямую из канализации. Казалось бы, классическое двоемирие: два Лондона, реальный, где в разгаре зима, и летний Уизерворд, берутся за руки, словно дети из приюта, и смотрятся друг в друга, как отражения, но... у Мэтьюсон любое отражение «плывет»; так Ильза, оплакивая убитую подругу, которую приняли за нее (двойничество), невольно превращается в нее и сама пугается, увидев себя в зеркале. Любой паре здесь суждено распастись: Ильза теряет благодетеля-фокусника, Кассия не прощает Гедеона, Эстер не вступает за Элиота. Две идентичных с виду игрушки, которые с рождения хранят брат и сестра, оказываются совсем не одинаковыми: погремушка Ильзы таит в себе смертельно опасный секрет.

Все явления в этом Зазеркалье неизменно и безжалостно обращаются в нечто противоположное, бал правит парадокс. Оракулы, способные видеть будущее, вынуждены подавлять внутренний голос наркотиками или идти в рабы телепатов, лишь бы не сойти с ума. Добрый Гедеон выплачивает за заложников выкуп — и случаев захвата заложников становится все больше и больше. Мисс Митчем, думая, что спасает душу Ильзы, истязает ее тело и калечит психику. Благие намерения Элиота приводят к тому, что он губит собственного отца. Огнестрельное и холодное оружие срывает надежнее, чем магические способы самозащиты. Из гениальных изобретений наиболее востребованы «дымовушки», которые глушат магию, временно превращая любого обитателя Уизерворда в обычного человека. Друзья оборачиваются врагами, а враги неожиданно приходят на помощь. Предатель всего лишь выполняет приказ своей королевы. И то, что кажется выбором — уйти или остаться, — на самом деле им не является. Алиса-Ильза пробирается по своей ужасной Стране Чудес на ощупь, но ее, как хрестоматийного героя фэнтези, уже поставили перед фактом: она избранная, потерявшаяся и вновь обретенная наследница великой династии, и именно ей, а не ее брату-принцу, суждено спасти Уизерворд.

Точно так же Мэтьюсон играет с понятиями «мы» и «они», «свои» и «чужие», размывая границы. Фракции Уизерворда воюют между собой, но все готовы объединиться против метаморфов — при этом именно метаморфы ввели Принципы, по которым живет альтернативный Лондон. Уизерворд не служит противоположностью реального Лондона, где магию клеймят как порождение дьявола или снисходительно терпят, как фокус пьянчужки-иллю-

РАССКАЗ

Пауль Госсен

Йютербог, Германия

ВОСХОД, ЗАКАТ...

— Красота! — выдохнул Август.

Он сидел на берегу в одних плавках, рядом на песке сушился скафандр, чуть дальше лежали мольберт и сумка с красками. Двойная звезда AM10010836 медленно поднималась из океана.

— Тебе правда нравится? — спросил робот цивилизации циркулей.

— Еще бы, ради этого восхода я пересек пол-Галактики.

— А мне все равно, — сказал робот. — Что восход, что закат... Ты, наверное, тоже художник?

— Художник, — кивнул Август. — А почему «тоже»?

Они встретились полчаса назад, когда Август выбрался на берег. Его звездолет был расплюсчен и затянут черной дырой, вопреки всем астрономическим законам оказавшейся на орбите планеты. Маленькая — размером с теннисный мячик — она за пару минут сделала свое черное дело. Август чудом успел выпрыгнуть за борт, прихватив реактивный ранец и принадлежности художника. Упал в океан, более часа добирался до берега. Робот цивилизации циркулей помог ему снять скафандр и накормил плодами пьяного дерева, что росло среди руин неподалеку.

— Здесь все художники... — ответил робот. — Были.

— Что значит «были»? — Август покосился на руины. — Цивилизация художников?

— Цивилизации здесь нет. И животных нет. Только пьяное дерево — говорят, его плоды веселят душу.

— Кто говорит?

— Художники.

Август озадачено почесал затылок.

— И откуда они взялись?

— Прилетели, как и ты, — сказал робот. — Двойная звезда AM10010836 очень красива. Фотографии, сделанные с помощью телескопа, многих просто завораживают. Со всей Галактики прилетают сюда, чтобы рисовать восходы и закаты. Черная дыра на орбите планеты погубила много звездолетов. И все художники выплыли на этот берег — на планете только один остров.

Август подскочил.

— Где они?

— Кто?

— Художники со всей Галактики.

Робот указал на развалины.

— Я похоронил их за картинной галереей. Хочешь взглянуть?

— Что? Они погибли?

— Умерли.

ГОД СПУСТЯ

Генерал Скатов не выносил, когда у него на глазах рушились устои. Он считал, что вероятный противник, даже оснащенный по технологиям «Войн будущего», должен принадлежать к родному, досконально изученному виду Хомо сапиенс. А тут...

Прошлогодний инцидент, конечно, сломал стереотипы. Но тогда Скатов был на вторых ролях, а сейчас командование, исходя из каких-то своих соображений, сделало его ключевой фигурой. Вот и думай, как расхлебать заварившуюся кашу!

Понятно, что атмосфера в возведенном за сутки командном модуле была далеко не праздничной.

— Черт знает что! — проворчал генерал, обращаясь к сидящему слева полковнику Торощину. Справа, поодаль, расположились два дежурных офицера. Они мониторили обстановку на пустоши, снимая показания приборов. — Уцелеть после такого... Ты по-прежнему уверен, что это не агрессия?

— Да, — без колебаний ответил полковник. — Агрессор действовал бы активнее. И не в одиночку.

Скатов неодобрительно покосился на заместителя. Торощин, конечно, был большая умница — и эрудицией мог блеснуть, и исполнительный, и инициативный... Вот только порой чересчур инициативный, что в армии не особо приветствуется. А еще он непозволительно часто высказывался поперек мнения начальства. Кое-кто даже удивлялся, как ему с таким характером удалось дослужиться до полковничьих погон...

Картинка на большом панорамном мониторе уже давно не менялась. Добравшись до Объекта, универсальный полевой робот объехал его кругом, снял несколько характеристик и застыл. Сейчас он обрабатывал полученную информацию и ждал дальнейших команд.

УПР был одной из последних военных разработок. Водруженный на гусеницы полусферический корпус венчала округлая «голова» с выдвигаемыми антеннами и датчиками. Ударным оружием робот не располагал, но мало какая преграда могла перед ним устоять.

Теперь ему бросал вызов Объект. Он проклянулся на мертвой, изувеченной земле всего два дня назад, бурно пошел в рост и достиг уже полутораметровой высоты. Кривой, но мощный побег завершался грушевидным вздутием и с первого взгляда мог показаться земным растением-мутантом. Однако со второго наблюдателю становилось не по себе: плоть Объекта состояла не из привычной живой ткани, а из сросшихся кристаллов — серых, черных, бурых, темно-красных...

Раздалось мягкое гудение принтера, и спустя минуту один из дежурных офицеров протянул Скатову несколько распечатанных листов:

— Товарищ генерал, робот провел первичный анализ Объекта. Здесь его химический состав. Похоже, довольно сложный.

— Ничего, отдайте ученым, они разберутся.

— Товарищ генерал, — от нетерпения Торощин привстал со стула, — разрешите взглянуть!

— Ну, взгляни, — пожал плечами Скатов.

Полковник немедленно разложил листки перед собой.

— Действительно, — согласился он, — состав заковыристый. В основе земных организмов — биополимеры на основе углерода. А тут — углерода и кремния, причем последний преобладает. Кроме того, необычно много бора и некоторых других элементов.

— Голова! — с деланным восхищением сказал генерал. — Ну и что нам это дает?

— Окончательный вывод сделают химики. Я все-таки не специалист. Но, судя по всему, орешек очень твердый и устойчивый к самым экстремальным воздействиям.

Татьяна Федотова

Харьков

МАФФИНЫ С ТЫКВОЙ

Холодно. Холодно. Холодно. И ведь лето на календаре. Завез меня муж в Тмутаракань. А все свекровь начала: «Борис, твоя Наталья слишком много пьет! Надо ее к шаману свозить. Вот Лариса Романовна своего мужа вылечила. Там совсем безнадежный случай был — он по подъездам пьяный валялся. Пенсию всю пропивал. И ты свою Наташку свози. Или разведись с этой алкоголичкой!» Самое прикольное, что пьем мы вместе с мужем бутылку сухого вина в неделю. Так ее сыночек нормальный, а я алкоголичка. Черт возьми! Лето ведь! Что ж так холодно?

На автозаправке, куда я дрожа забежала за чашкой кофе, были куплены плед и домашние тапки в виде унт. Кто ж знал, что здесь летнее утро как у нас в октябре.

— Наташ, ты не расстраивайся. Мама, конечно, тот еще подарок. Но ты же знаешь — я тебя люблю, — который раз успокаивает меня муж. — Сейчас съездим к шаману, а потом рванем на базу отдыха. Главное, что мы там отметились. А в сентябре, я тебе обещаю, на твой выбор — Европа или Египет.

Кутаюсь в плед. Мне холодно. Борис, как только видит местных жителей, бежит уточнять дорогу — навигатор не работает. Зато работает печка, но только она успевает нагреть воздух, как муж выскакивает из машины, выпуская теплую атмосферу и запуская комаров величиной с детскую ладонь. Насекомые влетают в салон с кровожадностью маньяков, замирают, услышав яд аэрозоля, и, потеряв ко мне интерес, спасаются бегством. Так вам и надо, твари. Жаль, что так нельзя поступить с некоторыми людьми.

Лес за окном не такой как у нас. У нас он сочный, всех оттенков зеленого и коричневого. А тут три цвета на все про все. Мрачно. Что-то есть трагичное в окружающем пейзаже. Здесь только фантастические фильмы снимать и драму про пьющую деревню, безысходность, тоску.

— Относись ко всему этому как к приключению, Наташ. Кто из твоих подруг бывал в этих краях? — пытается растормошить меня муж. — Никто. Делай фотки, потом будешь постить в инстаграм. А кто из всех твоих знакомых видел живого шамана? Не по телевизору, а живого? — муж заглянул мне в лицо.

— На дорогу смотри! — взвизгнула я. Машина вильнула. Благо, здесь безлюдно. Следующую машину можно полдня ждать.

— Наташ, все зависит от нас. Давай воспринимать происходящее как приключение.

— Не могу. Мне холодно. Дискомфортно. Я устала, не успев приехать. Я устала за тебя бороться с твоей мамой. Почему она лезет в нашу жизнь? Почему ты не можешь ее ограничить? Я же своих родителей ограничила. Почему ты каждый день по полчаса минимум докладываешь своей маме, что с тобой произошло, что ты ел, как провел день?

— Она одинока, Наташ. У нее есть только я, а у твоих родителей еще твои брат с сестрой. И мы договаривались, что ты не будешь поднимать эту тему.

— Я бы не поднимала, если бы ты не выполнял беспрекословно ее приказы. Вот как этот — вези жену лечиться к шаману! Если бы я не слышала каждый день, как ты ей докладыва-

Иван Таран

Омск

«СЕВЕРНЫЙ КРЕСТ»: В НЕБЕ ИЛИ НА МОГИЛЕ ПОЭЗИИ?

Выйти из дома в 5 утра и посмотреть на звёзды — разве это странно или глупо? Но даже в 5 утра, хоть в будний день, хоть в выходной, может выскочить непонятно откуда свора двуногих с бутылочками и обложить тебя матом за то, что ты, видите ли, неадекватно себя ведёшь. Смотришь на звёзды. И не только жившие до нас, но и эти самые пьяницы — «нормальные пацаны» без моральных ценностей, сильно уважающие Россию и даже Сталина, должны отвечать за смерть Даниила Хармса в тюремной психушке, за бомжевание омского поэта Аркадия Кутилова. Бродский, осуждённый за тунеядство, работал, кроме всего прочего, геологом. А сегодня в России вообще *нельзя* быть поэтом, в противном случае тебе методично будут внушать, что ты ментально неполноценный. Нельзя ещё, к примеру, быть инвалидом. Если тебе плохо, ты устал, замёрз, голоден, не помогут, а измучат (неполноценный).

Поэзия нуждается в защите. «О тонких эйдосах прекрасно можно петь, / Когда в твоей крови не скорби, а скорбишки. / Ты эйдосы нашёл, узрел, заставил греть. / И вот — от них тепло. Но чем их защитишь ты?» Написал я эти стихи — и сразу отпала идея издавать альманах или газету *математически чистой поэзии*, как в художественных произведениях Стефана Малларме, его лучшего ученика Поля Валери (нет, не Афанасия Фета, сочинявшего для «Вечерних огней» философскую, религиозную, гражданскую лирику, стихотворения на случай). Без онтологии, гносеологии, этики, науки, публицистики, религии поэзия не выживет; вместе с тем я признаю, что не всем и не всегда нужна литература без красоты.

Тот самый Даниил Хармс был одним из самых любимых писателей Егора Летова — рок-легенды мирового масштаба. Допустим, Егор Летов не поэт, а песенник и автор невразумительных верлибров-«почеркушек». Но если бы мне предложили выбрать между поэзией и Летовым, я бы выбрал Егора, а на поэзии, по крайней мере, лично для себя, поставил крест. Северный.

Когда Хармс занимался художественной литературой, он занимался почти исключительно художественной литературой. А ведь ощущение поэтичности, лиричности у Хармса отсутствовало абсолютно. Егор большую часть жизни был панком. Панк-движение всегда имело направленность политическую. И ещё: Летов не просто верил в Бога, а нёс убеждения в поэзию и музыку. Он как раз лиричен (благодаря своеобразной гармонии внутреннего и внешнего миров), хотя не представитель чистого искусства, а *поставангардист*, соединявший «странные» формы, начинавшие письмо с нуля, с *идеями*: религиозными, политическими, философскими:

«Как в покинутом городе / Считали мы деньги с тобой / В стране обречённой на самопоедание / Самоупокоение / Самопропивание / Как зарплату с тобой получали мы / Хохоча и рыдая / В городе приговорённом / К высшей мере безнаказанности / Как среди светофоров, дождей, магазинов / С тобой делили мы деньги / Честно заработанные / В переполненной гонорами пустоте».

Возможно ли ощущение космоса в городе? Когда находишься в куче нечистот, лицезрешь людей-червяков, копошащихся в ней, хочется выбраться из кучи, а не смотреть из неё на деревья и звёзды. Однако везде — одна субстанция. Первостихией субстанции является информация. Иным словом — дух. Поэтому всё сущее в какой-то мере разумно. «Кто тот Садовник, что тебя растил, / Хранил бутон от стужи и от зноя? / В бетонной вечности укоренился / Твой эластичный серый аромат». Это омич Андрей Козырев сравнивает город с бетонной ро-

зой, упоминая в другом своём урбанистическом стихотворении окурки, и шприцы, и осколки бутылок. На окраинном пустыре лежит сор. Всё же: «Сухая пыль от пыли прошлых жизней / Роится в напряжённой пустоте».

Наверное, Северный Крест, не только наш альманах, но и астеризм, можно увидеть в мусоре.

Сохраняю правописание Бориса Юлиановича Поплавского: «И остряк путешественник в позе не гибкой, / С неподвижным секстантом в руке голубой, / Сузив мёртвый зрачок, смотрит в небо с улыбкой / Будто Северный Крест он увидел впервой».

Поэзия

Анастасия Трифонова
Смоленск

Как в «Постале» втором каком-нибудь,
от трейлера к финалу держишь путь,
потешно ускоряясь по уму
и по нужде выкуривая дури
чудную трубку, пропуски в текстах
вдруг отмечаешь, прочему дерьму

уже не удивляясь. День почил.
Не можно лучше положить почин,
насыпать псу и выключить глаза,
но всё гундит закадровый рассказчик —
единственный божок и друг навязчивый —
о том, что думал сам, но не сказал.

Когда по горлышко в белиберде
отмеришь свой бесхитростный удел,
счета оплатишь, разведёшь газон
и сходишь напоследок в супермаркет,
куда подашься, чтобы эту карту
преодолеть и вывернуться вон?
ПОТЕРЯННОЕ БЕССМЕРТИЕ

Жевали гудрон, грызли каштаны,
плевали в карбид горькой слюной
и нюхали дым, шантрапа голоштанная.
Бездумный простор, промежутки шатания
от масляной каши
до мамы, смотрящей
сквозь двор и зовущей домой.

Хранили в карманах скорлупки фисташек
и верили — раковины с морей.
Бегали за сигаретами старшим
в ларёк на углу Шевченко и Дачной,